

Новые русские сказки

Иванушка-дурачок

Мы курили во внутреннем дворе библиотеки. О сказках не говорили, наблюдали мелкую пыльную жизнь как она есть. Воробей прыгал перед воробьиной, изображал птенчика: беспомощно трепетал крылышками, пищал, разевал клювик — вполне половозрелый тип, что вскорости было доказано наглядно. Оттоптал он воробью по полной программе. Подманил на материнский инстинкт — и оттоптал. А она-то, дура, кинулась к нему с корочкой хлеба — деточка моя, бедная голодная деточка... Воробей показал себя молодцом, и тут — как у Льва Николаевича в "Азбуке": "все засмеялись, а Ваня заплакал".

Это я — Ваня, Иванушка-дурачок, и ни при чем тут половые признаки вроде необходимости хотя бы иногда надевать бюстгальтер, который я подсадовски называю лифчиком. Иванушка-дурачок может быть и крестьянским сыном, и божеватой старушкой, и сорокалетней особой неопределенной внешности, девушкой-старушкой сомнительных занятий. Несомненен только материнский инстинкт.

- Ваша мама пришла, молочка принесла.
- Налейте нам, мама, портвейну.

Птенчик скачет по дорожке, отыскать не может крошки... Подобрала его Иванушка-дурачок, принесла домой, в мягкие перины уложила, пельменями из пачки накормила, за вином в ларек сбегала — расти, мой птенчик, глазки голубые, перышки льняные. Расти, моя ласточка, моя касаточка. Птенчик на "касаточку" обижается — хочет считаться мужчиной, стреляным воробьем. Ну как же мне, хоть я и дурачок, здорового мужика-то кормить-поить, ботинки на ночь расшнуровывать? Неловко как-то, не то что от людей — от себя стыдно. Будешь, дорогой, пока касаточкой — вырастешь, посмотрим, что ты за птица. А сама думает: "Орел, орел! Ну, в крайнем случае, сокол!".

Прожил орел у Иванушки-дурачка два года, причем вел себя безобразно: загадил всю квартиру, по ночам орал и падал с кровати, жрал как не в себя и обвинял Иванушку-дурачка в эгоизме.

Через два года материнский инстинкт у Иванушки как-то притупился, тем более что ласки от своего птенца она видела, скажем прямо, немно-

го. Распахнула девушка-старушка окошко и говорит: "Взвейтесь, соколы, орлами! И чтоб я вас больше, голуби мира, не видела!". Орел прямо не ожидал.

— Не ожидал от тебя, — говорит. — Мы ж с тобой сроднились. Ты же мне — как мать.

Это Иванушке совсем не понравилось. Нашел мамашу! Она была о себе совсем другого мнения. Опять же ласки хотелось, а не только "пи-пи-пи" и крылышки врозь.

Орел и сам спохватился, что он такое сморозил, и давай замазывать дыру в отношениях, да хитро так — Иванушка и поверила. Обещал сокол ясный отнести ее в страну вечной молодости и красоты типа клиника "Ренессанс". Иванушка не будь дурачком, прихватила с собой провианту не на сутки-двое, одних огурцов соленых восемь банок, капусты квашеной, колбасы две палки, ножик — колбаску нарезать, то-сё. Водочки, сколько — не скажу, но, примерно, чтоб хватило. Полетели.

Иванушка птицу свою кормит исправно, сама сладок кус не доедает, только нет-нет к водочке приложится — чтобы не так было больно за бесцельно прожитые годы.

Летят, летят — слева солнце садится, справа месяц всходит, внизу река — широкая, похоже, Днепр. На середине Днепра орел притомился, крыльями стал реже махать, повернул голову: "Дай мне, говорит, милая, мяса, хлеба, водочки...".

— А нету, — вздыхает Иванушка-дурачок, — все ты подъял подчитую, голубь ты мой сизорылый.

— Ну как же, — волнуется орел, — как же, вон же уже близко, там вдали за рекой, видишь, огни загораются? Это она, клиника "Ренессанс".

Иванушка-дурачок опять поверила, ножик достала, да вместо колбаски и отхватила себе кус мяса с левого бедра. А вместо водочки крови наточила. Орел плохого не почуял, похвалил даже: "Хороша, — говорит, — колбаска, сладка водочка...".

Так они еще долго летели — на Иванушке уже живого места не осталось, вены изрезаны, ноги в шрамах, жуть — да и только!

Наконец занес орел Иванушку в такие края, куда ворон костей не заносил, да и сунул ей под нос зеркало. Иванушка глянула в зеркало — залилась слезами горячими. Не бывать ей девушкой, поняла, вековать старушкой.

А орел взлетел на высокий дуб, посмотрел соколиным глазом налево-направо, видит: девица юная красоты неопишущей в стольном Киев-гра-

де за высокой стеной цветики собирает, не иначе, василечки. И песенку поет: "Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня!". Встрепенулся орел, расправил могучие крылья — и был таков.

Говорят, женился и работает в стольном граде Синей птицей.

А Иванушка-дурачок побрела по дорогам, сперва по окольным, потом по прямоезжим, добрела до библиотеки — и устроилась там в отделе центрального хранения сказок. Только так дурачком и осталась: ни одной сказки до конца дочитать не может — плачет.

Царевна-лягушка

Счастье-то какое, какое счастье, тишина-покой, счастье, неужели это мне одной — тень густая, пруд зеленый, прохладный, лилия водяная — нимфея, красавица, прямо передо мной — белая, чистая, не гордится, мы с ней — сестры, обе одинокие, влажные, только я — зеленая, и это хорошо, лягушка и должна быть зеленой. Быть зеленой — и сочинять стихи. Сочинять стихи — и в голос, в голос! Кто сказал, что квакают лишь самцы, да и то лишь в брачный период? Послушали бы вы меня, одинокую лягушку! Нет, не надо, пусть никто не слушает — мне уединение нужно, прохлады, снизу мокро, сверху капает, нет, не может быть, чтоб это надолго! Точно кто-нибудь припрется, все разрушит, все испоганит — и не до стихов будет, не до стихов.

Я умная, не один облом в жизни, кому как не мне знать, что страх притягивает неприятности. Кто рожден для счастья, как квакша для болота, — тот о нем не думает, пребывает внутри. Быстро пребываем внутри, пока не началось! Не знаю, что конкретно, но ведь начнется, начнется... Это у меня душевный склад такой — депрессивный, объективно-то все хорошо. Хорошо, хорошо, прекрасно... Комары — тучами, ешь — не хочу! Но ведь комары тоже должны кого-то есть? Ведь они тут не для того только, чтобы я ими закусывала, сочиняя стихи, распластавши брюшко на плотной, округлой, замечательно влажной темно-зеленой ладони сестры моей, белой лилии, нимфеи? Долой дурные мысли, долой, нужно петь — петь, и все будет хорошо.

Лягушка, пой! Ля-ля-ля — это капель звучанье, гу-гу-гу — это вздохи пруда, ш-ш-ш — камышинок шуршанье, ш-ш-ш — тишина навсегда. Нет, я все-таки довольно талантлива. И удивительно хороша собой.

Люди, глупые люди, путают жабу и лягушку. Говорят, у лягушек — бородавки. Чуть! Это жабы — бородавчатые. Серые, бородавчатые жабы,

обитательницы огородов, охотницы на слизней. Впрочем, и в этом не вижу ничего дурного, но мы, лягушки, квакши, — гладенькие, словно нефритовые, сияющие зеленой кожей под дождем. Как я люблю дождь! Как я люблю свою прохладную лягушачью кожу!

О брат мой, дождь!.. Досочинять не вышло.

Дз-з-зынь! Шмякнулась прямо передо мной — длинная, острая, золотая, пестро оперенная. Стрела. Не иначе — царская. Кому, как не царям, в голову взбредет — по болоту с золотыми стрелами шастать. Теперь понятно, кем тут комары питаются, — царскими детками, шляются, недоумки, по болотам, золотыми стрелами разбрасываются, охотнички. Сейчас искать ее примется, все перетопчет, осоку переломает, воду замутит, нимфею, сестру мою, сорвет, полюбуется — и под ноги бросит, надо ему эту стрелу под нос подsunуть, фу, какая гадость, золотая стрела — во рту, немножко, немножко потерпим, пусть заберет, ведь увидит сразу, это же ему, небось, по приколу — лягушка со стрелой, и опять — тишина, влажно, стихи, счастье...

Куда, куда, куда? Нет, ну точно, недоумок, жениться! Жениться он собрался на лягушке! Да я же этих царевичей-королевичей на дух не переношу! А палаты царские? Окошечки слюдяные, крохотные, ковры тяжелые, пыльные, дышать нечем. Кухней пахнет! Цветы — и те регулярно поливать забывают.

Идиот, идиот — положит на подушку и будет Манечкой называть!

Что бы ему сделать, чтобы отпустил? Пирог испечь — да подавись ты, вот тебе пирог и тридцать три церкви на корочке, с колоколами и колокольнями! Мне это просто — как икры наметать. Рубашку — да на тебе рубашку! На твоему царю-батюшке рубашку с вышивкой — где он на троне, а вокруг бояре, да челядь, да народ восторженный, слюни пускает.

На тебе что хошь, только отпусти, отпусти меня в мой пруд зеленый, потаенный, прохладный... Сад-виноград, пруд-изумруд. На фи́га у них в спальнях топят — даже летом?

Красавицу ему подавай, красавицу, из левого рукава — лебеди, из правого... И чтоб плясала-вертелась, вертелась-плясала. Как дура какая-то.

Заездили, припахали... Пропала я. Попала. Пруд мой, прудик, зеленый, тенистый, влажный... Прощай, прощай, прощай...

Оставь мне мою кожу, оставь! Так и полыхнула в камине. Ладно, царевич, поплатишься ты у меня...

Донецк